

РЕЛИГИЯ (ДЛЯ) РЕЛИГИОВЕДОВ?

Александр Александрович Панченко

Институт русской литературы (Пушкинский Дом) РАН
4 наб. Макарова, Санкт-Петербург, Россия
Европейский университет в Санкт-Петербурге
6/1А Гагаринская ул., Санкт-Петербург, Россия
apanchenko2008@gmail.com

Аннотация: В комментарии к полемике о книге С.А. Штыркова обсуждаются перспективы и проблемы генеалогического анализа понятия «религия». Антропологические исследования последних десятилетий в существенной степени способствовали проблематизации академических представлений о религии. Однако рефлексия касательно способов концептуализации и политической семантики этого понятия далеко не всегда оказывается в фокусе российских социальных исследований. Генеалогию современного религиоведения необходимо обсуждать в контексте политики секулярных и постсекулярных обществ, нуждающихся в определении социальной ниши для религии и религиозного.

Ключевые слова: религиоведение, генеалогия понятий, социальный конструкционизм, когнитивные исследования, политическая семантика.

Для ссылок: Панченко А. Религия (для) религиоведов? // Антропологический форум. 2022. № 53. С. 233–239.

doi: 10.31250/1815-8870-2022-18-53-233-239

URL: <http://anthropologie.kunstkamera.ru/files/pdf/053/panchenko.pdf>

ANTROPOLOGICHESKIJ FORUM, 2022, NO. 53

RELIGION FOR RELIGIOUS STUDIES?

Alexander A. Panchenko

Institute of Russian Literature (Pushkinskiy Dom), Russian Academy of Sciences
4 Makarova Emb., St Petersburg, Russia
European University at St Petersburg
6/1A Gagarinskaya Str., St Petersburg, Russia
apanchenko2008@gmail.com

Abstract: The paper contributes to the polemics on the book by Sergey Shtyrkov and focuses on a genealogical analysis of the concept of religion. Anthropological research of the last decades made academic understanding of religion problematic. However, discussions of political semantics and the analytical use of the concept still are often avoided by social disciplines in Russia. The genealogy of present-day religious studies should be contextualized as related to the political dynamics of secular and post-secular societies that have a need to find a particular social frame for religion.

Keywords: religious studies, genealogy of concepts, social constructionism, cognitive studies of religion, political semantics.

To cite: Panchenko A., 'Religiya (dlya) religiovedov?' [Religion for Religious Studies?], *Antropologicheskij forum*, 2022, no. 53, pp. 233–239.

doi: 10.31250/1815-8870-2022-18-53-233-239

URL: <http://anthropologie.kunstkamera.ru/files/pdf/053/panchenko.pdf>

Александр Панченко

Религия (для) религиоведов?

В комментарии к полемике о книге С.А. Штыркова обсуждаются перспективы и проблемы генеалогического анализа понятия «религия». Антропологические исследования последних десятилетий в существенной степени способствовали проблематизации академических представлений о религии. Однако рефлексия касательно способов концептуализации и политической семантики этого понятия далеко не всегда оказывается в фокусе российских социальных исследований. Генеалогию современного религиоведения необходимо обсуждать в контексте политики секулярных и постсекулярных обществ, нуждающихся в определении социальной ниши для религии и религиозного.

Ключевые слова: религиоведение, генеалогия понятий, социальный конструкционизм, когнитивные исследования, политическая семантика.

Академические дискуссии об истории, смысле и эвристическом значении научных концептов легко упрекнуть в схоластичности: мы хорошо понимаем, что любые дефиниции и конвенции, касающиеся значимых или «ключевых» понятий гуманитарного знания, неизбежно сталкиваются с содержательными и логическими противоречиями. Поэтому критика либо существенный пересмотр терминологического аппарата обычно оказываются важными для одной или нескольких дисциплин только в ситуации серьезных методологических дебатов или радикальной смены аналитической оптики. Впрочем, и в таких случаях исследователи редко достигают консенсуса. Вместе с тем специалистам нередко приходится так или иначе сверять свои понятийные конвенции с «обыденным языком». Это может случиться в разных ситуациях, будь то полевое интервью, публичная лекция или научно-популярная публикация.

Серия «Азбука понятий», выпускаемая Европейским университетом в Санкт-Петербурге, призвана, согласно издательской аннотации, «погрузить» читателя в историю слов, «очищая их от напластований, образовавшихся с течением времени». Такой взгляд выглядит, конечно, не вполне современным: и «генеалогия» Мишеля Фуко, и конструкционистская критика скорее не «очищают», а релятивизируют концепты, поскольку не видят за ними неизменной, объективной или

Александр Александрович Панченко

Институт русской литературы
(Пушкинский Дом) РАН /
Европейский университет
в Санкт-Петербурге,
Санкт-Петербург, Россия
aranchenko2008@gmail.com

сущностной реальности. Поэтому в подобной перспективе исторические траектории понятий предстают довольно противоречивыми и запутанными. Избавив привычный термин от многовековых «культурных напластований», мы нередко обнаруживаем нечто совсем неожиданное и не вполне понятное. Однако следить за такими траекториями не менее интересно и полезно, чем вскрывать воображаемые «подлинные» или «архетипические» смыслы.

Книга С.А. Штыркова основана именно на генеалогическом подходе и посвящена опять-таки довольно сложным историческим приключениям лексемы «религия». Это, как мне кажется, очень выигрышный взгляд по сравнению с обзором, скажем так, энциклопедического характера, подразумевающим совмещение и сопоставление разнообразных философских, исторических, социологических и т.п. определений и теорий религии. Не менее важно, что обсуждаемая работа написана антропологом. Именно антропологическое исследование разных культур и сообществ в течение XX в. в существенной степени способствовало проблематизации академических представлений о религии. Дело не только в постколониальной критике или «альтернативных онтологиях» архаических культур, но и в том, что «живая» религия, которую мы наблюдаем во время полевых исследований, совсем не похожа на религию как воображаемый социальный институт, на то, что написано в теологических трактатах, катехизисах, требниках или академических учебниках. В терминологическом отношении это несоответствие привело к появлению целой серии дублирующих друг друга понятий — от «народной» и «локальной» до «проживаемой» и «вернакулярной» религии, притом что и их статус и границы применимости тоже остаются не вполне отчетливыми. По вполне понятному многим антропологам предложению Грэма Харви, «ученым следует не столько отбрасывать данные, которые как будто подпадают под зонтичный термин “религия” (например, постулирование трансцендентного), сколько покинуть мир фантазий и начать заново “где-то там”, в реальном мире. <...> Сосредоточивая фокус на повседневной религии как деятельностной (performative) и материальной практике, мы не только обогащаем понимание религиозной жизни, но и значительно более преуспеваем в качестве исследователей и преподавателей» [Харви 2020: 41].

Впрочем, ситуация представляется более сложной: «начиная заново», мы не можем попросту отвернуться от «устаревших» понятий. Будучи «сильным» концептом коллективного воображения в западной культуре Нового времени и «важным словом» современного «политического лексикона» (С. 27), «религия» оказывается социальным маркером, позволяющим людям оценивать, классифицировать и разграничивать окру-

жающую реальность. Иными словами, и прошлые, и современные представления о том, чем должна или может быть религия, оказываются руководством к общественному действию, в равной степени значимым и для чиновников, и для университетских профессоров, и для верующих разных конфессий, и для воинствующих атеистов, и для агностиков. Книга Штыркова, рассказывающая, как складывались исторические связи «понятия религия с идеями духовной, нравственной и ритуальной дисциплины <...> и верности традициям» (С. 168), дает возможность увидеть скрытые принципы работы этого механизма.

Публикуемые здесь отклики на книгу Штыркова демонстрируют не то чтобы несогласие с позицией автора, но своего рода дискомфорт, который она вызывает у рецензентов. В.С. Раздьяконов уделяет специальное внимание политическим и моральным подтекстам постколониальной критики религиоведческого проекта, т.е. проблеме «защиты взглядов изучаемых европейцами народов, которые до появления европейцев не имели никакого представления о “религии” и были, так скажем, “по-европейски” определены и посчитаны благодаря научной теории». Морально-политическая составляющая здесь, конечно, важна, но ею дело вовсе не ограничивается. Антропологи не столько «защищают взгляды» «изучаемых народов», сколько пытаются найти язык, приемлемый для понимания, интерпретации и описания локальных онтологий, в той или иной степени отличающихся от нашей собственной. К тому же в современной антропологии речь идет не только об экзотических племенах, живущих на диковинных островах далеко за пределами Европы, но и о мозаике сообществ, ритуалов, идей и нарративов, поджидающих исследователя в его же собственном «западном» постиндустриальном мире или в глобальном виртуальном пространстве. Так что дело не только в мировоззрении угнетенных меньшинств и этнических групп, но и в аналитическом инструментарии, который позволяет нам работать здесь и сейчас. «Религия» в этом инструментарии, конечно, все равно остается, но понимается не как устойчивая сущность или социальный институт, а как «зонтичный термин», чья значимость и практическая применимость нуждаются в рефлексии применительно к различным контекстам. В этом смысле довольно уязвимым выглядит следующее соображение Раздьяконова: «Отказ от *ошибочного* понятия “религия”, безусловно, ведет к лучшему пониманию феномена. Однако отказ от самого феномена — основы теоретической оптики религиоведения — приводит к уничтожению любой теории как таковой, оставляя нас обезоруженными и опустошенными перед лицом традиции, которую нам остается слепо воспроизводить, чтобы иметь право претендовать на ее понимание». Вне зависимости от того, понимаем ли мы феномен в кантовском, гуссерлианском или

каком-то еще смысле, получается, что в качестве феномена религия необходима для существования теоретической оптики религиоведения. Вполне возможно, что так оно и есть, но насколько в таком случае значима эта теоретическая оптика?

М.М. Шахнович исходит из несколько иных критических позиций. Один из главных упреков, высказанных ею в адрес книги Штыркова, — это, скажем так, историографическая неполнота: автор, будучи антропологом, не говорит «почти ничего об интерпретациях религии в антропологии». При этом, вторгаясь в область философии и теологии, он уделяет непропорциональное внимание одним авторам (Цицерону, Лактанцию, Августи-ну, Локку) и игнорирует других «философов, которые писали о религии как политическом институте (Гоббс, Спиноза, Маркс) и о религии в ее отношении к морали (Кант)». Эта критика тоже не выглядит убедительной. Относительно краткая научно-популярная книга — не учебник, и ее автору нет нужды втискивать в восемь авторских листов разнообразные теории и определения религии, сформулированные разными мыслителями за последние два с лишним тысячелетия. Смысл генеалогического анализа в том, чтобы проследить дискурсивные и историко-семантические траектории понятия, которым мы пользуемся сегодня, а не в реферировании пускай и значимых философских концепций. Признаюсь, мне тоже недостает в книге Штыркова многих разделов (в частности, истории понятия «религия» в русском языке), однако я отдаю себе отчет, что ее формат просто не позволил коснуться многих важных тем.

Что касается антропологических теорий и дискуссий, посвященных религии, то в них можно найти много интересного, но к тем проблемам, о которых пишет Штырков, они в общем-то не имеют прямого отношения. Точнее сказать, они как раз вынуждают нас выйти за пределы собственно антропологической проблематики и задуматься о более общих вопросах социальной теории и эпистемологии. Приблизительно так же обстоит дело и с когнитивным религиоведением, которым, по мнению М.М. Шахнович, Штыркову не следовало пренебрегать.

Наверное, здесь стоит сказать чуть подробнее, какое место в дебатах о религии занимают или могут занимать современные эволюционные и когнитивные подходы. Соглашусь, что Штырков «отмахивается» от этого научного направления, когда пишет: «Как утверждает ряд исследователей религии, практикующих так называемый когнитивный подход, религия является просто аспектом эволюционной адаптации человеческого мозга и распространена повсеместно, потому что люди представляют собой единый биологический вид» (С. 19). Это, вообще говоря, не вполне корректная формулировка. Понятно, что в рамках ког-

нитивного религиоведения уже сейчас сформировались довольно разные теоретические модели и концептуальные направления, однако одно из важных положений, разделяемых «когнитивистами», состоит в том, что идеи, представления и формы поведения, которые мы называем религиозными, будучи следствием либо побочным результатом эволюции человека, не образуют сущностного единства или раз и навсегда ограниченной области психических либо социальных явлений [Boyer, Bergstrom 2008: 112]. Когнитивная природа представлений об Иисусе Христе и Карлсоне, Который Живет на Крыше, представляется в этой перспективе если не одинаковой, то очень близкой, притом что социальные и культурные контексты, в которых фигурируют эти персонажи, могут различаться довольно сильно. Таким образом, эволюционный взгляд на религию не только не противоречит конструктивистскому, но и вполне ему соответствует. Универсальная биологическая природа «религиозных» представлений не подразумевает единообразия их сочетания и социального использования в разных культурах и сообществах.

В своей последней (и тоже научно-популярной) книге П. Буайе предлагает следующее резюме представлений о религии в современной антропологии.

Европейские ученые не сомневались, что религии должны быть у всех иноземных племен, во всех царствах и империях. Но реальность оказалась намного сложнее.

В самом деле, в большинстве империй и государств было нечто похожее на религию — со жрецами, четко расписанным церемониалом и, что всего важнее, с учениями, включавшими эсхатологию, теодицею и сотериологию <...>.

Но ничего из этого не обнаружилось в малых сообществах. Похоже, там не было никаких религиозных организаций — в виде касты или группы специалистов по сверхъестественным явлениям, которые проходили бы формальное обучение и что-то вроде «сертификации». Еще больше озадачивало, что люди в этих сообществах, похоже, не испытывали никакого интереса к спасению души или к проблеме происхождения зла. А больше всего смущало антропологов, что они вообще не находили в таких сообществах четких религиозных представлений. Да, люди могли рассказывать о предках, душах и духах. Но эти сообщения были туманны, индивидуальны и даже противоречивы. Какими бы ни были представления этих народов, они не вписывались в ожидаемый образ религии [Буайе 2019: 121].

Обсуждать «предысторию» понятия «религия», говорить о соотносимых с ним социальных институтах (а также, наверное, задуматься и о возможном «будущем без религии»), конечно, важно и нужно, однако это опять-таки мало связано с задачами

книги Штыркова. Она заставляет читателя внимательнее приглядеться к политическим контекстам, смыслам и последствиям современных нам представлений о религии. Это, вероятно, и вызывает подсознательное отторжение у академических религиоведов, чья профессиональная идентичность слишком тесно связана с предметом ученых занятий (и в этом они отличаются от антропологов, социологов и, наверное, даже теологов). Конструкционистский подход, из которого исходит Штырков, не то чтобы вообще отрицает возможность «науки о религии», но побуждает ее сторонников к серьезной рефлексии касательно их методов, задач, дискурсивной и политической позиции. Это и неудивительно: формирование и развитие современного религиоведения в качестве отдельной дисциплины определялись вполне конкретными политическими коллизиями секулярных и постсекулярных обществ, нуждавшихся и нуждающихся в определении социальной ниши для религии и религиозного. Показательно, что на эти процессы в равной степени влияли и «правые», и «левые» доктрины и тенденции. История американских *religious studies* тесно связана с деятельностью и публикациями упоминаемого М.М. Шахнович М. Элиаде [Sedgwick 2004: 191–199], а современное российское религиоведение прямо наследует советскому проекту «научного атеизма», появившемуся в результате хрущевской антирелигиозной кампании [Smolkin 2018: 142–164]. Очевидно, что религиоведам стоило бы видеть в своей дисциплине не только универсальную и междисциплинарную «науку», но и политический механизм производства и трансформации публичных представлений о религии и ее границах. Здесь книга Штыркова опять-таки может быть им полезна.

По всей видимости, современной академической науке нет смысла отказываться от религии хотя бы в качестве «зонтичного термина». Вместе с тем рефлексия касательно способов концептуализации и, скажем так, политической семантики этого понятия далеко не всегда оказывается в фокусе различных направлений социальных исследований. Думаю, что книга Штыркова демонстрирует и академическому сообществу, и широкому кругу образованных читателей оригинальный и полезный путь такой рефлексии.

Библиография

- Буайе П. Анатомия человеческих сообществ: как сознание определяет наше бытие / Пер. с англ. П. Дейниченко. М.: Альпина нон-фикшн, 2019. 433 с.
- Харви Г. Секс, еда и незнакомцы: религия как повседневная жизнь / Пер. с англ. К. Колкуновой; науч. ред. А. Рахманин. М.: НЛЮ, 2020. 362 с.
- Boyer P., Bergstrom B. Evolutionary Perspectives on Religion // *Annual Review of Anthropology*. 2008. Vol. 37. P. 111–130. doi: 10.1146/annurev.anthro.37.081407.085201.

- Sedgwick M.J. *Against the Modern World: Traditionalism and the Secret Intellectual History of the Twentieth Century*. N.Y.: Oxford University Press, 2004. XIV+370 p. doi: 10.1093/0195152972.001.0001.
- Smolkin V. *A Sacred Space Is Never Empty: A History of Soviet Atheism*. Princeton, NJ: Princeton University Press, 2018. XVII+339 p. doi: 10.23943/9781400890101.

Religion for Religious Studies?

Alexander A. Panchenko

Institute of Russian Literature (Pushkinskiy Dom), Russian Academy of Sciences
4 Makarova Emb., St Petersburg, Russia
European University at St Petersburg
6/1A Gagarinskaya Str., St Petersburg, Russia
apanchenko2008@gmail.com

The paper contributes to the polemics on the book by Sergey Shtyrkov and focuses on a genealogical analysis of the concept of religion. Anthropological research of the last decades made academic understanding of religion problematic. However, discussions of political semantics and the analytical use of the concept still are often avoided by social disciplines in Russia. The genealogy of present-day religious studies should be contextualized as related to the political dynamics of secular and post-secular societies that have a need to find a particular social frame for religion.

Keywords: religious studies, genealogy of concepts, social constructionism, cognitive studies of religion, political semantics.

References

- Boyer P., *Minds Make Societies: How Cognition Explains the World Humans Create*. New Haven, CT: Yale University Press, 2018, 376 pp. doi: 10.12987/9780300235173.
- Boyer P., Bergstrom B., 'Evolutionary Perspectives on Religion', *Annual Review of Anthropology*, 2008, vol. 37, pp. 111–130. doi: 10.1146/annurev.anthro.37.081407.085201.
- Harvey G., *Food, Sex and Strangers: Understanding Religion as Everyday Life*. New York: Routledge, 2014, XI+244 pp. doi: 10.4324/9781315729572.
- Sedgwick M. J., *Against the Modern World: Traditionalism and the Secret Intellectual History of the Twentieth Century*. New York: Oxford University Press, 2004, XIV+370 pp. doi: 10.1093/0195152972.001.0001.
- Smolkin V., *A Sacred Space Is Never Empty: A History of Soviet Atheism*. Princeton, NJ: Princeton University Press, 2018, XVII+339 pp. doi: 10.23943/9781400890101.